

ромъ классѣ тѣспота страшная. Столовая темная, пассажиру дѣваться некуда. О третьемъ классѣ и говорить нечего: даже ко всему привыкшіе поморы постоянно жалуются на помѣщеніе на пароходѣ. Туристу тутъ помѣщаться нельзя.

При остановкахъ въ становищахъ пассажиру предоставляется перебираться на берегъ своими средствами, и отъ его ловкости и находчивости зависитъ воспользоваться почтовой лодкой или какимъ нибудь другимъ способомъ попасть на берегъ. Много, конечно, зависитъ отъ любезности капитана и я съ своей стороны долженъ отмѣтить, что капитанъ парохода, на которомъ я ѣхалъ, оставилъ во всѣхъ пассажирахъ самое приятное воспоминаніе, но, во всякомъ случаѣ, нельзя же всегда рассчитывать только на одну любезность. Не составило бы особенныхъ затрудненій для администраціи пароходства предоставлять въ распоряженіе пассажировъ пароходную лодку, которая отвозила бы желающихъ пассажировъ на берегъ и ко второму гудку привозила бы обратно на пароходъ. При большихъ остановкахъ можно было бы лодки и нѣсколько разъ съѣздить на берегъ.

Всѣ эти неудобства, конечно, очень мѣшаютъ развитію русскаго туризма, но большинство изъ нихъ устранимо. Съ устраненіемъ многихъ изъ нихъ путешествіе на Сѣверъ станетъ болѣе доступнымъ, увеличится число туристовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и наше знакомство съ Сѣверомъ. Давно пора Мурманскому берегу перестать быть далекой и неизвѣстной окраиной.

Отъ популяризаціи свѣдѣній о немъ овъ можетъ только выиграть. Не мѣшало бы мурманскому пароходному обществу распространять о своихъ рейсахъ неболшіе проспекты съ обозначеніемъ наиболѣе интересныхъ остановокъ съ иллюстраціями ихъ, какъ это дѣлается вездѣ, гдѣ интересуются развитіемъ туризма.

Л. П. Александровъ.

II.

Святочные обычаи въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ святочныхъ обычаяхъ сохранились до настоящаго времени остатки старины. Святочныя празднества обнимаютъ время съ 22 декабря по 6 января. Въ вечеръ на сочельникъ, а иногда и 22 декабря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда дѣвушки устраиваютъ, такъ называемый „копальный вечеръ“. Дѣвушки извѣстной деревни покупаютъ сообща муку, чай, сахаръ, пекутъ пироги и готовятъ яства. Вечеромъ дѣвушки собираются въ одну избу, куда приглашаютъ и парней, угощаютъ ихъ чаемъ, пирогами и яствами. Послѣ угощенія дѣвушки ставятъ на столъ рѣшето, кула вмѣ парш и кладутъ карамель, пряники, орѣхи и другія лакомства. Эти подарки дѣвушки потомъ дѣлятъ между собою. Послѣ этого начинаются игры, пляски, продолжающіяся всю ночь. Между прочимъ, въ этотъ вечеръ кое-гдѣ дѣвушки готовятъ въ нежилой избѣ чай для двухъ лицъ, садятся за столъ и говорятъ: „суженой, ряженой, приходи ко мнѣ чай пить“. Въ томъ случаѣ: если покажется призракъ, и сядетъ рядомъ съ гадающею, послѣдняя должна говорить: „чуръ, тово, полно, чуръ не хочу“, иначе задавить. Ложась спать, дѣвушки, между прочимъ, дѣлаютъ на постели въ изголовьѣ изъ палочекъ колодезь и при этомъ говорятъ: „суженой, ряженой, приходи ко мнѣ коня поить“. Далѣе, кладутъ на божницу новый шерстяной поясъ и при этомъ говорятъ: „поясъ, поясъ,

покажи мнѣ во снѣ суженаго поѣздъ“. Наконецъ, въ день сочельника дѣвушки гадаютъ о своей судьбѣ по видѣннымъ имъ снамъ въ ночь на сочельникъ. Снамъ видѣннымъ въ ночь на рождественскій сочельникъ крестьяне придаютъ особое значеніе, ихъ почитаютъ вѣщими. Еще существуетъ такое гаданіе: обливаютъ водою „скалку“ (приспособленія для раскатыванія сочней) и ставятъ ея въ передній уголъ. Утромъ сочельника замѣчаютъ, кто первый войдетъ въ избу и гадаютъ, если войдетъ дѣвушка и замужня женщина, то гадающую не отдадутъ въ этотъ годъ замужъ, а если мужчина, то отдадутъ, причѣмъ если вдовецъ, то за вдовца, притомъ какое имя онъ носить, то имя и будетъ ея жениху.

Въ день сочельника въ старину, а отчасти и теперь не бѣдятъ до появленія вечерней звѣзды, когда садятся за столъ и бѣдятъ „кутью“—вареное зерно пшеницы. Дѣвушки также постятся, а съ появленіемъ вечерней звѣзды берутъ ломоть хлѣба, откусываютъ и кладутъ хлѣбъ за пазуху; ложась спать, говорятъ: „суженой, ряженой, приходи ко мнѣ хлѣба-соли ѣсти“.

Ко дню Рождества Христова крестьяне моютъ избы и прибираютъ, въ день праздника большая часть крестьянъ уходитъ въ храмъ. Дѣвушки въ особенности почитаютъ этотъ праздникъ. Послѣ бога служенія мальчики ходятъ славить.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ славятъ и взрослые крестьяне. Для этого крестьяне известной деревни условливаются между собою сложиться рожью и овсомъ „за славленье“ и ходятъ по домамъ славить. Собранный хлѣбъ продаютъ, а на вырученныя отъ продажи хлѣба деньги покупаютъ потомъ водку и крендели. Дѣвочки ходятъ подъ окна избъ и поютъ коляду.

Коляда ты, коляда,
Ходила коляда
По святымъ вечерамъ,
Искала коляда
Государева двора.
Государовъ дворъ
Середь Москвы—
Середь ярмарки.
Хозяюшка—хозяинъ
Подай пирога.

За пѣсни даютъ дѣвочкамъ по куску пирога. Начиная со второго дня Рождества и кончая Крещеньемъ молодежь устраиваетъ по вечерамъ увеселенія, но особенно весело празднуютъ вечера со второго дня Рождества, со дня Нового Года и Крещенья. Въ эти вечера молодежь собирается въ одну деревню, нерѣдко изъ нѣсколькихъ деревень, одѣвается въ лучшую одежду, ведетъ хороры, игры, дѣвушки поютъ „досельныя“ старинныя пѣсни. Вотъ въ биткомъ набитую паряженною молодежью и освѣщенною двумя-тремя салными свѣчами избу ввалились ряженыя. Здѣсь есть и сѣдой, какъ лупъ старикъ съ клокомъ кудели подъ губою вмѣсто бороды, съ бадогомъ въ рукѣ; цыганъ съ неизмѣнною принадлежностью своего промысла, кпугомъ; цыганка съ ребенкомъ-чучеломъ въ рукахъ; пищѣ; дѣвушки-парни и парни-дѣвушки. Вся эта толпа, кричитъ, смѣется, пляшетъ. Вотъ сѣдой старикъ пачалъ свои повѣствованія. Цыганъ заводитъ рѣчь объ лошадахъ. Цыганка начинаетъ гадать судьбу дѣвушекъ. Пищѣ просятъ милостыню.

Между тѣмъ остальная неряженая молодежь старается хотя бы по одеждѣ, по голосу, по походкѣ узнать, кто такіе ряженые, однако, это удается съ трудомъ, такъ какъ ряженые измѣняютъ и голосъ и походку, а одежду достаютъ у постороннихъ и такую, которую и сами хозяева носятъ крайне рѣдко. Но вотъ ряженымъ надоѣло скрываться, открываются. Смѣхъ. Шутки. Начинается уже общее веселье. И такъ далеко за полночь.

Въ простые дни дѣвушки ходятъ по вечерамъ слушать подѣ окна избѣ на большую проѣзжую дорогу.—Бываютъ въ святочное время и шалости. Въ глухую полночь молодежь напр., раскатываетъ дрова, вывозятъ далеко за деревню оставленные незаботливыми хозяевами на улицѣ дронни, сани и т. д.

Въ Шапшевской волости, гдѣ еще сравнительно поданно была большая часть избѣ съ курными печами, кто-нибудь изъ молодежи въ глухую полночь забирается на крышу избы, втыкаетъ въ трубу споль соломы, затѣмъ кладетъ въ трубу снѣгъ и заливаетъ водою, все это потомъ такъ замерзаетъ, что хозяину иногда приходится разбирать трубу.

Кромѣ того льютъ въ трубу воду, а, какъ извѣстно, деревянные черпныя трубы выходятъ въ избу надъ голбцемъ, который служитъ для крестьянъ и лежемъ, то и находящійся на голбцѣ поневолѣ принимаетъ холодную ванну. У домовъ опороченныхъ дѣвушекъ мажутъ ворота дегтемъ.

Все это можно сказать шутки безопасныя, но бываютъ и довольно серьезныя, такъ, напримѣръ, къ воротамъ нелюбимыхъ хозяевъ представляютъ тяжелые кряжи и хозяинъ, утромъ, отворивши безъ осторожности двери, получаетъ сильный ударъ кряжемъ.

Въ Маныловской волости, въ ночь на Новый Годъ, передъ тѣмъ, какъ лечь спать, прибираютъ и выметають въ избѣ, молятся Богу и затѣмъ всѣ члены семьи ищутъ по избѣ хлѣбнаго зерна, причемъ, если найдутъ, то это будетъ къ богатству, а если не найдутъ, то наоборотъ—къ бѣдности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ ночь на Новый Годъ, паливаютъ въ ложки воды по числу членовъ семьи, ложки отмѣчаютъ по именамъ и выносятъ на морозъ. Утромъ, въ день Нового Года ложки приносятъ въ избу, смотрятъ и гадаютъ; если у котораго лянца въ ложкѣ вода замерзла ровно, тому ровная въ тотъ годъ будетъ и жизнь, у кого-же въ ложкѣ вода замерзла съ ямочкой, тотъ долженъ ожидать смерти.

Иногда въ ночь на крещенскій сочельникъ дѣвушки идутъ на крестовую дорогу, разстилаютъ въ центрѣ скатерть, одна изъ гадающихъ дѣвушекъ садится на скатерть съ рѣшетомъ снѣга въ рукахъ, а другая трижды очерчиваетъ указательнымъ пальцемъ правой своей руки, такъ чтобы и дѣвушка и скатерть остались въ чертѣ и при этомъ говоритъ: „изъ черты въ черту, дѣвку въ черту“. Гадающая встряхиваетъ рѣшето со снѣгомъ и говоритъ „поблю поблю бѣлый снѣгъ, за батюшкину хлѣбъ-соль, за матушкину добродѣтель; суженой, ряженой, откликнись!“ Если послѣ этого послышится въ какой либо сторонѣ шумъ, то въ той сторонѣ будетъ и суженой.

Въ крещенскій сочельникъ также строго воздерживаются отъ вкушенія пищи до появленія вечерней звѣзды. Большая часть крестьянъ уходитъ въ храмъ на водоосвященіе, послѣ котораго берутъ святую воду, приносятъ домой и со словами—„Благодать Святаго Духа“—окропляютъ ею скоть, избу, дворъ и всѣ помѣщенія жилища. Есть также

обычай чертить косаремъ знакъ креста на всѣхъ дверяхъ жилищъ и хозяйственныхъ построекъ отъ нечистой силы.

Въ день Крещенія Господня въ старину, а отчасти и теперь, послѣ освященія воды, купаются въ проруби ходившіе ряжеными. Въ Зубовской волости, на погостѣ, парни валяютъ дѣвушекъ въ снѣгу, и дѣвушку, которую больше всѣхъ валяютъ, считаютъ, болѣе почетной невѣстой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ обычай вывозить жониховъ и невѣсть „на горку“—т. е. выѣзжать съ молодыми людьми на погостъ, на гулянье, гдѣ незамѣтнымъ образомъ и облюбовываются женихи и невѣсты обѣими сторонами, а также и ихъ родителями.

А. Д. Неуступовъ.

О л о н ч а н и н ъ .

(Очерка).

I.

Благословляю случай: онъ занесъ меня въ лѣсные дебри. То не дебри, въ сущности, а просторъ, чарующій, бодрящій. Причудливые холмы поражаютъ то высокими деревьями, стройными соснами и елями, то каменными вершущами. А между ними снуютъ рѣченки и ручьи, всѣ неугомонно-рѣзвые и то кристально-чистые, то словно подкрашенные...

Лошадь шаромъ покатила съ небольшого косогора, а ямщикъ еще махнулъ надъ ея головой длиннымъ кнутомъ и крикнулъ „я те!“ Точно на крыльяхъ мы поднялись на другой косогоръ и сразу свернули въ переулочекъ.

Хорошо ѣздить по западной части Олонецкой губерніи! Любой хозяинъ во всякой деревнѣ отведетъ вамъ горницу, а то и цѣлую избу, да такую просторную, свѣтлую, чистую, что хоть сейчасъ устраивай балъ.

Видно, просторъ лѣсовъ вдохнулъ въ сѣверянина любовь къ просторному жилищу; лѣсная ясность, тишина и покой дали ему мирный характеръ и привязанность къ простору и чистотѣ своего угла. Видно потому, что, бывъ удаленъ отъ городской жизни, олончанинъ до сихъ поръ носитъ въ себѣ черты дѣтски чистаго и довѣрчиваго человѣка.

О, если бы, вмѣсто хлынувшихъ туда, параллельно рѣкамъ, потоковъ „казенки“ настоящую школу! Я молодежь, жизнь мнѣ близка и знакома лишь съ горькой стороны, люди—больше съ отрицательной. Однако, я отдыхалъ тамъ, въ этихъ „дебряхъ“ олонецкихъ лѣсовъ, въ этихъ „болотахъ“, поражаясь неподдѣльно-братскимъ чувствамъ простого олончанина.

Кривая старуха, стоя на крыльцѣ молчаливо показала мнѣ рукой на лѣстницу вверхъ. Я быстро поднялся. Дверь легко открылась и мягко хлопнула. Я очутился въ городской переланей.